

Об авторе:

Самусенко Галина Валентиновна родилась 10 апреля 1958г. в городе Коломна. В 1980 г. закончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

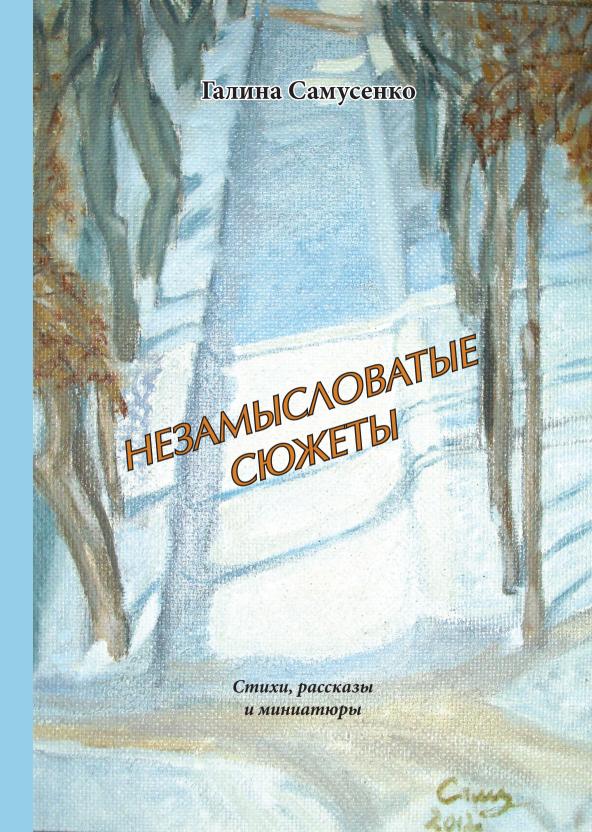
Работала инженером ОГЭ Коломенского тепловозостроительного завода, преподавателем курсовой сети Монин-

ского гарнизонного Дома Офицеров, техником Коломенского УЭС. В настоящее время работает в «МАП №2 Автоколонна 1417» филиал ГУП МО «Мострансавто» начальником колонны кондукторов автобусов городского и пригородного сообщения. Увлекается живописью и изготовлением кукол в технике скульптурного текстиля.

Является автором сборников стихов «Живые картинки» (2011 г.) и «На скамейке у старой стены» (2013 г.).

Стихи публиковались в литературном ежегоднике «Коломенский альманах», международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь», международном литературном журнале «Союз писателей» и различных поэтических сборниках. Рассказы публиковались в международном литературном журнале «Страна Озарение».

Галина Самусенко

НЕЗАМЫСЛОВАТЫЕ СЮЖЕТЫ

Стихотворения и рассказы

Коломна Издательский Дом «СЕРЕБРО СЛОВ» 2014

УДК 821.161.1-1**Самусенко** ББК 84(2Poc=Pyc)6-5

C17

ISBN 978-5-906438-??-?

Галина Валентиновна Самусенко.

Незамысловатые сюжеты. Стихотворения, рассказы – Коломна: Издательский Дом «Серебро Слов», 2014. – 64 с.

Автор выражает огромную благодарность замечательному коломенскому поэту Кирсанову Евгению Александровичу за чудесный педагогический талант и неизменную готовность помочь и научить.

ОСТИХАХ

Поэт имеет право немножко пошутить над своими стихами: «мои стихи просты как три копейки».

Впрочем, нет трёхкопеечных монет, нет и большой простоты в стихах Галины Самусенко. Они сложны настолько, насколько сложна реальная жизнь. Они точны, потому что на жизнь смотрят пристрастным, изучающим взглядом.

Как положено хорошим стихам, они хранят вечные ценности в современной упаковке.

А размышления о жизни, отображённые в стихах, читателю более доходчивы и внятны, особенно когда мысли честные.

Надеюсь, что читатель, заглянув в эти стихи, найдёт свои чувства, свои мысли, но выраженные, как и положено поэту, – неповторимым языком.

Евгений Кирсанов

[©] Самусенко Г.В., Коломна, 2014

[©] Минаев Д.В., обложка, 2014

[©] Издательский Дом «Серебро Слов», 2013

мои стихи

Мои стихи просты, как три копейки. Я не беру сюжеты с потолка. Деревья в парке, люди на скамейке, весёлый дождик, сонная река.

Я не люблю копаться в мутном эго неповторимой собственной души. Я жизнь пою – и альфу и омегу – по мне лишь эти песни хороши.

Я не гонюсь за золотом и славой, они мне не грозят наверняка. И всё ж, кому-то не хватает, право, моих стихов простого медяка.

А.А. АХМАТОВОЙ

Тетрадь, сожжённая тобой, стоит на полке книжной, и с другими в ряд. Ты вправду думала, она сгорит? Но рукописи – не горят!

Пусть носит ветер жёсткий и сухой тяжёлый запах тленья, дым и смрад, Слова, зажжённые твоей рукой на рукописи,

так горят, что превратились угольки костра со временем в бесценный строчек клад. И сталь пера надёжна и остра. А рукописи – не горят!

И время прочь, пространство тоже прочь. Шиповника тончайший аромат встречает день. Забвенье канет в ночь. Ведь рукописи – не горят!

УРБАНИЗАЦИЯ

Деревянный старый домик по окошки в землю врос, потемнел под грузом лет,

покосился.

Перед ним в стекле, бетоне новый дом,

гигант, колосс

небо в стёклах отражал,

возносился.

Свет неоновой рекламы грубо, хлёстко бил в глаза.

Фитнес, дайвинг да бутик

зазывали.

В старом доме в темный угол вжались доски-образа.

Перед ними три свечи

оплывали.

В окнах, стянутых бетоном, тихо стекленел закат,

и, казалось, он вот-вот разобьётся.

На заборе перед домом кто-то вывесил плакат.

И написано на нём –

продаётся.

Торопились горожане,

все в заботах и делах.

Фитнес радовал. Бутик

посещался.

Горожан не волновало,

что всего лишь в двух шагах

чьей-то родины кусок

продавался.

Мы рвали струны простеньких гитар, старались доказать, чего мы сто́им. Ложилась жизнь на душу слой за слоем, как на веснушки солнечный загар.

За дружбу и любовь бросались в бой. И пели песни о любви и дружбе, и часовыми на апрельской службе, всё меряли Арбат ночной порой.

Весь мир объять пытались на бегу. Нас дым костра манил в иные дали. Мы за мечтой на край земли бежали, и за туманом ехали в тайгу.

Не молкнут струны стареньких гитар. И оказалось – мы чего-то сто́им, легла на сердце жизнь заметным слоем, как на веснушки солнечный загар.

По сплетению рельс полз тихонько трамвай, никуда не спеша, ни о чём не печалясь. Остановкам кивал на прощанье – бывай, и по стыкам опять громыхал, не стесняясь. Я в трамвайном вагоне глядела в окно. Билась жизнь за окном, торопилась, бежала. Ну а мысли остались не так далеко – там,

где я, только что, в первый раз побывала. В городской соц.защите оформляла билет социальный единый –

для транспортной льготы. Я не знала до этого, сколько мне лет. Забывались те годы в житейских заботах. Я смотрела на граждан, что шли в кабинет. Разговоры о пенсии резали ухо. Здесь я вдруг осознала, как много мне лет, и себя ощутила не кем-то – старухой.

BETEPAHAM

С каждым годом всё меньше остаётся в строю ветеранов.

Тех, кого в сорок пятом

отпустила живыми война.

Всё сильней к непогоде

ноют их застарелые раны,

с каждым днём тяжелее

на груди стариков ордена.

В память вплавились прочно

смертоносные вспышки разрывов,

дикий вой артналётов,

и погибших друзей голоса.

И не верят порою,

что дошли, уцелели, что живы.

И гремит канонадой

им умытая ливнем гроза.

Сны тревожат ночами -

в них опять трескотня пулемётов

да предсмертные хрипы,

горло рвёт громовое: «Ура!»

В этих снах предрассветных

они снова горят в самолётах,

просыпаются с криком

и не могут заснуть до утра.

С каждым годом всё меньше

остаётся в строю ветеранов.

С каждым годом всё дальше

та священная наша война.

Лишь для них она рядом,

их тревожат военные раны,

и на старых мундирах

поминально звенят ордена.

6

7

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Цепочка фонарей

зависла над шоссе,

и фликеров глаза

краснеют вдоль обочин.

Ругнутся тормоза

на скользком вираже,

и снова мы летим,

пронзая толщу ночи.

Куда мы так спешим?

Зачем? И почему?

Стремительный асфальт

нам – скатертью дорога.

Зачем же за рукав

мы теребим судьбу,

ведь в сущности, уже

осталось нам немного.

Кто встретит нас в конце

за краешком дорог,

простит нам все грехи,

рассеет все тревоги?

Быть может, счастье есть

с простым названьем – Бог?

А если нет Его,

тогда к чему дороги?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бойцам бронепоезда № 1 «за Сталина», геройски погибшим под Гжатском в октябре 1941 года и возвратившимся на родную землю 24 августа 2013 года

Шли парадом мальчишки,

шаг печатая чётко,

приподняв подбородки,

с «калашами» в руках

мимо тех, кто вернулся

в алом пламени шёлка,

волнах красной гвоздики,

поминальных венках.

Первый бой стал последним.

Отстучали колёса.

Разворочены пушки,

и пробита броня.

Бронепоезд в бессмертье

въехал прямо с откоса.

Жизнь сверкнула мгновеньем

в жаркой лаве огня.

А теперь вот вернулись

на родную сторонку,

пусть не все - лишь пятнадцать,

но таких дорогих.

Караулом почётным

в боевых гимнастёрках

внуки-правнуки дедов

встречали своих.

Символ воинской славы -

залп салюта короткий.

Скорбно никли знамёна,

слёзы стыли в глазах.

И шагали мальчишки,

приподняв подбородки,

шаг печатая твёрдо,

с «калашами» в руках.

У ПИВНУШКИ

Красуется солнце над шумным базаром. Клокочет торговля. Везде – суета. У граждан, пришедших сюда за «товаром», с утра «сушнячок», потому – маята.

Кто принял довольно, уже – в настроеньи, и плечи расправил, и видом – герой. А кто не успел, тот горит нетерпеньем, а кто-то ругается между собой.

На грязных ступенях стоит молодуха. Красива. Беременна. Тень на щеке. Живот из-под платья, и локон над ухом, и пляшет стаканчик в нетвёрдой руке.

Эх, родимая сторонка – всё крапива да бурьян. На пригорке мужичонка развалился, в стельку пьян.

А на паперти церковной, руки вытянув вперёд, обликом синюшно-скорбным христарадствует народ.

Плачут пьяными слезами, жизнь тяжёлую клянут, и, разжившись медяками, за бутылкою бегут.

И в дурмане алкогольном видят белок и чертей, и, крича, что сердцу больно, снова требуют – налей!

Вширь растущие погосты, что не сразу обойдёшь, угорев от этих тостов, заселяет молодёжь.

Эх, родимая сторонка – каждый третий в стельку пьян. На кладбищенских пригорках всё крапива да бурьян.

пой, поэт!

И короткой строкою и длинной – стих любой будет в песне хорош – пой, поэт, о России былинной, где под ветром волнуется рожь,

где лихих молодых генералов кони ввысь уносили, храпя, где в тиши потаённых подвалов стыло золото, скрягу слепя.

Пой, поэт, не боясь повториться, красоту этих дивных полей, где шумит золотая пшеница, где по осени клин журавлей проплывает, курлыканьем томным нас в прекрасные дали маня, где на скифских равнинах просторных у поэта – своя колея.

Где весенней порой спозаранку проскакал на коне паренёк, где бойцы под «Прощанье Славянки» покидали родимый порог.

Под дождями и стужею звонкой не прельстись иноземным теплом. Здесь в любезной российской сторонке ждёт и любит тебя отчий дом.

Здесь судьбою дано нам родиться, здесь и воздух до боли родной.

Пой Россию – былинную птицу вольно-вещую – Родину. Пой!

поэту

О чём задумался, поэт? Что видится в туманной дымке? Какие образы мелькают пред тобой? Девчонка в яркой ситцевой косынке, седой старик, иль сказочный герой?

А может, чувственность заката накинула на строчки лёгкий флёр? Иль за грехи уже близка расплата, и вынесен кому-то приговор?

Твой мир огромен, он границ не знает. Он там – куда дотянешься мечтой. А рядом кто-то любит и страдает, и ждёт, и восхищается тобой.

Но ты не видишь. Ищешь счастье где-то, не замечая сплетен и молвы. Страдают дальнозоркостью поэты, как, впрочем, и все прочие. Увы.

Подшутило над нами быстротечное время.

Тугощёких красавиц

превратило в старух.

Не подняться герою

постаревшему в стремя.

И в глазах чертовщинки

огонёчек потух.

А ведь мнили когда-то

мы себя «рысаками»,

звонко били «копытом»

и могли – «на дыбы».

Беспощадное время,

что ты сделало с нами?

То беды наважденье,

то гримасы судьбы.

Мы по жизни скакали

от преграды к преграде,

в скачке годы теряли

и друзей адреса -

кто дорвался до славы,

кто остыл при награде,

кто в дурмане наркотном

увидал чудеса.

Утекает незримо

равнодушное время,

жизнь уносит по капле,

оставляя грехи.

Скоро финиш, а дальше –

лишь бесплотные тени.

Что ж останется после?

Дети? Внуки?.. Стихи?

ГЕНИАЛЬНОМУ АРТИСТУ

Что загрустил артист? Зал опустел? Потушен свет? И сцена задремала? Волшебный мир остался не у дел? Ну, не грусти, ведь завтра всё сначала продолжится, лишь только хлопнет дверь. Гул голосов опять наполнит сцену. Волшебный мир вернётся без потерь. Ты снова проживёшь любовь, измену, услышишь краем уха вздох кулис, увидишь в зеркале себя другого, и снова вызовут тебя на бис, цветы, аплодисменты снова, снова...

Потом – коньяк, заветренный лимон, и к зеркалу вопрос: – «Неужто, трушу я разглядеть, понять – ну кто же он, тот, кто посмел в мою забраться душу? Тот, кто от Бога или Сатаны моей душой на сцене верховодит, тот, кто врывается под утро в сны, тот, кто с ума меня порою сводит? Так кто же он, и кто же я тогда? А может быть мы с ним одно и то же?»

Над крышей будет морщиться звезда, поглядывая на ночных прохожих. А ты пойдёшь по улице один в аплодисментно-цветовом угаре. Твой гений – то ли раб, то ль господин – как тень твоя на мокром тротуаре.

РУКИ

Руки жили...

Трепетные, порывистые, нервные,

с тонкими сильными пальцами...

Они падали, взлетали, метались, молились...

С кончиков тонких пальцев стекала музыка...

Она текла, волновалась, кружилась,

всплескивала, заполняла пространство вокруг...

Музыка заливала наши души, наши сердца...

Мы растворялись в ней, дышали ею,

кружились вместе с нею, то опускаясь всё глубже,

то выныривая на поверхность...

И вдруг, руки замерли...

А музыка не закончилась...

Она мерцала и переливалась

на кончиках пальцев...

Музыка не ушла...

Ушли мы...

И, уходя, уносили её с собой в душах, сердцах...

А руки...

Они упали...

Нет, нет, они не умерли...

Они просто устали...

Пусть отдохнут...

СОЛИСТКА

Худышка с трогательным хвостиком и чуть смущённою улыбкой, смешно, по-детски, вздёрнув носиком, приподняла смычок над скрипкой.

И мышцы рук, нежданно крепкие, вдруг напряглись под тканью платья. В мелодию пьяняще-терпкую вплелись надежды и проклятья.

И зал забыл ключицы острые, худую шейку, хвостик милый. Творили руки так по-взрослому, так скрипка о любви молила!

ПРО КУКОЛЬНИКА

Есть люди, как люди – с работы к экрану, смакуют на кухне чужую судьбу. Бывает иначе.

Вот кукольник странный, ему бы остаться скорей одному и вечером поздним под лампой настольной валять или клеить, лепить или гнуть, умчаться мечтою далёко и вольно, и душу в придуманный образ вдохнуть.

Он жаден, как Плюшкин, до всякого хлама. Что люди на выброс – всё тащит он в дом – и старую брошку, и гнутую раму, и сломанный зонтик, и рваный альбом.

И пахнет в квартире его не духами, а красками, клеем и... звёздным дождём. И добрые сказки, прикинувшись снами, его укрывают волшебным плащом.

Все люди, как люди. А этот чудачит, всё что-то колдует, не спит по ночам.

Вдруг... ожили куклы.

И что это значит?

Что детство опять возвращается к нам.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Ворчит надоедливый дождь за окном, как старый брюзга, дребезжит тенорочком. Под лампой настольной скучает альбом. В нём мысли мои

разбежались по строчкам.

А ночь за окном ворожит на дожде, мне кутает плечи бессонницей зябкой. Не спится.

Не пишется.

Тихо везде.

И дремлет перо над раскрытой тетрадкой.

О, чувство одиночества в толпе – мельканье лиц чужих и отстранённых, обрывки фраз нейтрально-отдалённых, томленье мыслей в твёрдой скорлупе слепого безразличия.

Забавно

в виду не одного десятка глаз остаться невидимкою подчас и видеть окружающих туманно, раскинув равнодушия платок полупрозрачный

пред глазами. Мы одиночество своё лелеем сами в толпе, где каждый одинок.

ЗАБЫТЫЙ ПЛЯЖ

Мост задремал, дождём умытый. Заснула ива над волной. И только пляж, людьми забытый, тоскует в тишине ночной.

Когда-то в золоте песочном смеясь, купался солнца луч. Теперь тоскливым многоточьем в траве остатки серых куч.

Когда-то звонким многолюдством порою жаркой пляж шумел, был полон в выходные, будни. Теперь остался не у дел.

Течёт река неторопливо и пропадает вдалеке. Ворона каркает лениво, мостясь на сломанном грибке.

Листая в памяти страницы далёких тех счастливых дней, пляж снова ждёт, ему не спится – ну, что же вы? Когда? Скорей!

ВЕСЕННИЙ ТРАМВАЙЧИК

К картине В.Ю. Чиркова «ОТТЕПЕЛЬ-ТРАМВАЙЧИК»

Зимней ночи завиднелся край. Жарко разгорается заря. Выспавшийся за зиму трамвай отвязался вдруг от фонаря.

Есть пантограф – чем не паруса? Мчит трамвай на краешек зари. Пусть шипят вдогонку голоса, пусть в ночи мигают фонари.

Но его не остановишь бег, он набрал стремительный разгон. Где-то там остался прошлый век, не успевший заскочить в вагон.

Непросто укротить мечту, она не лошадь — не повести на поводу и не стреножить. Мечта зовёт в далёкий путь за синей птицей. Нельзя обратно повернуть, остановиться. Иначе улетит мечта, как ветер вольный. В холодном сердце пустота. Больно...

влюблённым

Хвала безумцам,
что посмели полюбить,
хоть чувствам смертных
свойственна конечность.
Плевать! Веди себя,
как будто вечность
способен ты,
любя,
безумствуя,
прожить!

ЧЕЛОВЕЧЬЯ ДУША

Знойный полдень. Аромат жасмина накатил душистою волной. Ветер крутит кольца серпантина, поднимая призрачной стеной пыль дорожную,

и затихает.

Притяжение -

не превозмочь.
Так котёнок с листиком играет – нападает, отбегает прочь, так волна, штурмуя мощь гранита, вдруг отхлынет, пеною шурша,

так в любовь бросается открыто человечья странная душа. В стену упершись непониманья, чуть отступит, снова – напролом.

Из песка построенные зданья разрушает время целиком.

Не желая верить в быстротечность времени, преграды все круша, для любви приемлет только вечность человечья странная душа.

ВСТРЕЧА

Как-то встретились два одиночества на одном из земных перекрёстков. То ли чьё-то сбывалось пророчество. То ли просто весна на подмостках в этот день так играла талантливо, подарила надежду и нежность, прикоснулась, взглянула участливо, прошептала: «Любовь – неизбежность».

И игрою весны покорённые, растворились два одиночества, тёплым светом любви озарённые. Значит, жизни сбылось пророчество.

Дождь твердит за окном монолог беспросветно тягучий, и с завидным упорством

в моё барабанит окно.

Долго тянется день

монотонный, нелепый, скрипучий.

Развалюхой-телегой

ползущий к закату.

Темно.

Вечер мягкие лапы

кладёт мне тихонько на плечи.

Что-то сердце тревожит,

а что – мне понять не дано.

Я живу ожиданьем

счастливой и знаковой встречи.

Пусть случится она,

как в каком-то,

не помню названья,

кино...

Вот закончится ночь,

утро выплеснет яркую просинь,

пробежится по лужам –

остаткам былого дождя.

Ты возникнешь из давних

и радостно-памятных вёсен,

постоишь на пороге

и скажешь -

Привет.

Это я.

ЖЕНЩИНЕ

О, женщина! Как доброе вино, ты с возрастом становишься дороже. Букет теперь изысканней и строже, но чувствам искриться еще дано.

Пусть небеса отмерят долгий век, а жизнь подарит солнечное счастье. Умчатся прочь печали и ненастья. А рядом чтоб – любимый человек!

ПОСЛЕ ПРОСМОТРА МЮЗИКЛА «ГРАФ ОРЛОВ»

Сверкало платье.

Пульсом бился свет.

Перо дрожало.

Елизавета всё ж? Элизабет?

Куда бежала?

На блеск короны,

колокольный звон

ты прилетела.

С Императрицею

борьба за трон?

Пустое дело!

Да, совесть, жалость,

благородство, честь -

то не для Власти.

Любовь распята.

Оправданье есть.

Померкло счастье.

А где же он,

твой верный капитан,

невзгод виновник?

Страдает, вроде бы,

попав в капкан,

герой-любовник.

Но не спешит

избавить от оков

предмет любимый.

Ведь Власти верно

служит граф Орлов

непобедимый.

Босую душу

резали слова

острее бритвы.

Сплелись, взмывая

кверху, голоса.

Творцу – молитвы!

Я Вас увидела. Мы встретились случайно. Играла тихо музыка в саду. Вы на меня глядели так отчаянно. Подумалось – и слов-то не найду я высказать, как Вы милы в смущении, краснея лишь от взгляда моего. Но Вы ушли. Осталась я в смятении всех чувств моих, но знаю я одно – вернётесь снова Вы,

и взгляд туманный окутает, вопроса не тая. Я тихо прошепчу: «О, как Вы мне желанны!» В глазах увидев, как желанна я.

Я поставила чайник, коробку конфет распечатала, помню – ты трюфели любишь. Ты явился – помятых гвоздичек букет в чуть дрожащей руке.

Знала я – не забудешь ты поздравить меня в этот памятный день, в нём когда-то судьба

нас с тобою столкнула.

Снова голову кружит, тревожит сирень. Любопытная ветка в окно заглянула. Со смущённой улыбкой ты даришь цветы, что-то тихо бормочешь о прожитых годах.

Я смотрю на тебя, слышу: «Ты, только ты...» (то есть - я),

о каких-то разлуках, невзгодах... Я смотрю на тебя, человек дорогой – на глаза лезет чёлка упрямо... седая... Наши правнуки громко кричат за стеной. Ты – совсем молодой, да и я – молодая.

В тонкой вазочке дремлет помятый букет, И сирень – как тогда. Разве это забудешь? «Ну, пойдём, я открыла коробку конфет... Ну, конечно же, тех, я же помню – ты любишь».

КОГДА МЫ РАЗЛЮБИМ

Нежданно, вдруг ворвётся в душу осень бесцеремонно, грубо, не спросясь. Виски присыплет крупной солью проседь, морщинок возле глаз сплетётся вязь.

Увязнут чувства в липкой паутине слепого равнодушия, в плену непониманья скользкого, отныне по жизни мы пойдём по одному.

Повиснет осень частыми дождями, завесой непрозрачной на пути. Не сможем мы незрячими сердцами дорогу к счастью прошлому найти.

Не будет губ горячих на рассвете, и крыльям рук не суждено взлететь. Забудем, как мечтали в лунном свете – жить долго.

Вместе умереть.

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВЕСНЫ

Тридцать дней до весны, тридцать зябких тоскливых рассветов. Тридцать дней без тебя, тридцать долгих холодных ночей. Эти странные сны... Я боюсь даже думать об этом. В них ты бродишь во тьме – одинокий, бездомный, ничей...

Тридцать дней до весны – как же всё-таки это немало.
Тридцать дней до весны – нам природа отмерила срок.
Разостлала зима снеговое окрест покрывало, а под ним нераскрытый подснежника дремлет цветок.

Тридцать дней переждать завыванье тоскующей вьюги, тридцать лун не терять в сновиденьях твой образ родной. Вешний луч упадёт – распрямится росточек упругий. День весенний придёт – снова будешь ты рядом со мной.

ДИАЛОГ

- Здравствуй...
- Здравствуй...
- Давно не видались…
- Давно...
- Как живёшь, ничего?

Впрочем, мне всё равно...

- Да, я знаю. Да так, потихоньку живу, Ну, а ты?
- На плаву…
- Ты одна? Извини за бестактный вопрос... Помнишь, как я тебе незабудки принёс?
- Я забыла, прости, вот идёт мой трамвай...
- Нет, постой, погоди, только не уезжай...

Ты же помнишь, какою была та весна!?

– Я одна...

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Усыпана дорожка цветом вишни. Средь лета снег спрово́рил ветерок. Я шёл к тебе. Но вижу – здесь я лишний. Я – третий лишний.

Стоптанный порог, поскрипывая, с дружеским участьем поведал, что не здесь и не теперь я отыщу в заветный терем дверь, где ждут меня уют, покой и счастье, где жизнь плывёт в потоке дивных дней, где сад усыпан лепестками вишни.

Там буду я кому-то всех нужней. Там я не буду больше третьим лишним.

НОЧЬ БЕЗ ТЕБЯ

Ворожит за окошками ночь, в звёздных искрах набросив вуаль. Сон – дорожкою лунною прочь... Мы сегодня расстались...

Жаль...

Резким выстрелом хлопнула дверь, как в дешёвом индийском кино. Говорят – нет любви без потерь, только...

Больно мне всё равно...

От обид закусила губу, но подушка осталась суха́. Обижаться смешно на судьбу, только...

Очень уж ночь тиха...

МЕНТАЛЬНЫЙ ТУМАН

Мы не слышим друг друга.
Привычный обман
колдовским миражом искажает реальность.
Между нами сгустился ментальный туман.
Что, красиво звучит?

А по сути – банальность.

Мы, как будто бы, рядом, но, всё-таки – врозь. Что ж, не первые мы, не последние тоже. Притерпелись к обидам, но горечь и злость, да удушье и боль нас ночами тревожат.

Позабылось – как шли босиком по траве, хохотали от счастья под рокот прибоя. Растворилась та радость в морской синеве. И ментальный туман между мной и тобою.

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАМ ЧАШКУ ЧАЯ

Позвольте предложить Вам чашку чая, коль заглянули Вы на огонёк. А я свои стихи Вам почитаю, и Вы поймёте всё, что между строк, ведь там совсем немного – дети, внуки, да, Слава Богу, мать, работа, дом. Была любовь, надежды и разлуки – всё это в измерении ином, туда мне не вернуться. Жаль, конечно, что всё прошло, как с белых яблонь дым. Ну, что же, под луной ничто не вечно. Теперь я только милости родным молю у Бога, толику здоровья. А, собственно, что мне ещё желать? Склонялась бы, как в детстве, к изголовью, вечернею порой старушка-мать. Что б дни её закатные спокойно текли, и сны слетали к ней легки. А что же я? Ну, я-то всем довольна – пейзажи, куклы, да ещё стихи...

Позвольте предложить Вам чашку чая, коль заглянули Вы на огонёк. Мы, как подружки, с Вами поболтаем. Коньяк?

Чуть-чуть.

За то, что между строк.

БАБУШКИНА РАБОТА

Я работаю бабушкой. Что это значит? Значит, хитрые рожицы рядом маячат где-то возле меня, или прячутся где-то. А из вазочки вдруг испарились конфеты. А по дому летают две супер-ракеты и на ушко мне шепчут ТАКИЕ секреты.

Я работаю бабушкой. Что это значит? Это значит, что двое схватились за мячик, и никак не поделят конструктор, машины, и у книги хотят оторвать половину. Ну, никак не найти золотой середины. Но рисуют фломастеры чудо-картины.

Я работаю бабушкой. Что это значит? Это значит, что двое смеются и плачут. Подерутся, помирятся. Оба – вниманье, и, пыхтя и сопя, выполняют заданье.

Не страшны нам невзгоды, отступит ненастье, если светятся в доме два маленьких счастья. Я работаю бабушкой. Что это значит? Просто любим друг друга.

А как же иначе?

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Глухая ночь. Закрыта дверь. Спят малыши в кроватках. Устали за день, и теперь посапывают сладко.

А я не сплю. Сгустилась мгла. И я прошу у Бога, чтоб светлой, праведной была земная их дорога.

Благими были чтоб дела, здоровым было тело. Душа чтоб чувствовать могла, и сострадать умела. Прошу детей я оградить от горя и ненастья, и им в дорогу подарить земной кусочек счастья.

Прошу о милости Его, слезу смахнув украдкой. Глухая ночь. Темным-темно. Спят малыши в кроватках.

ОГОРОД

Летний вечер. Смягчилась дневная жара. Посвежели, взбодрились кусты. Затрещали цикады, теперь – до утра, и сильнее запахли цветы.

По дорожке, трубою задрав рыжий хвост, выступает торжественно кот. Сероглазый мальчишка с соломой волос прибежал босиком в огород.

Огород для парнишки – как остров чудес, он его изучает всерьёз. Что? Разбиты коленки, и нос пооблез? Ерунда, заживут, не вопрос.

Зато можно малину с куста – прямо в рот. Земляника призывно горит. А огромный, ажурный, пахучий укроп, как зеленое море шумит.

И по морю бесстрашно идет капитан загорелый, чумазый, смешной. Ах, окончилась сказка, сгустился туман, увела его мама домой.

И тогда громкий плач разорвал тишину, даже за угол бросился кот. Но уснул капитан. В тёплом сонном плену вновь он морем зелёным плывет.

ПРАЗДНИК ТРОИЦЫ

Светлая Троица. Солнечный день. Капли дождя, как поющие росы. Белой березки зеленая сень. Ветер, плетущий ей тонкие косы. Звон колокольный плывет над землей. Медь колокольная брызжет лучами. В церкви душистый покров травяной, отблеск свечи отражен образами. Множество праздничных шумных затей. Радостный смех, и веселые крики. Всюду счастливые лица детей. В храме – святых просветленные лики. В детском сердечке – любви светлый храм. Смотрит на пони смешная девчушка. В теплой ладони ржаная горбушка, как подношение мягким губам.

ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ

С Димкой дружим мы давно. С Димкой ходим мы в кино, с ним играем мы в пиратов, с ним строчим из автоматов. Если б Димка заболел, я бы около сидел, чай в стакане подавал, книжку умную читал. Даже новое кино не смотрел бы без него. Друг без друга нам нельзя, мы ведь – лучшие друзья!

ЗАРЯ

Над крышей дома появилось солнце, всё озарилось радостью вокруг. Ночным дождём умытые оконца разулыбались зайчиками вдруг.

Мурлыка-кот, сидящий на пороге, смотрел, как гаснет свет от фонаря. И радовалась лужа на дороге, улыбку окружающим даря.

СНЕГОПАД

Небывалый снегопад шёл четыре дня подряд. Ветер выл, стучал в окошки. снег засыпал все дорожки, все дорожки, все дорожки, все пути – не проехать, не пройти. Но ведь есть у нас лопаты. поднатужимся, ребята, снег с дорожек уберём и по ним гулять пойдём!

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА

Плачет дождик. Стынут лужи. Хмурый день совсем простужен. Птички спрятались куда-то. На крылечке кот лохматый глаз прикрыл, сидит, зевает. Снег всё тает, тает, тает...

ФЕВРАЛЬ

Блёстки снега в солнечной ладошке вспыхивают искрами и гаснут. Грустные берёзы у дорожки, ветки уронив, в сугробе вязнут.

Снег на крыше, как глазурь на торте, не спеша, тихонечко сползает.
По реки темнеющей аорте льдинки вдаль куда-то уплывают.

Что ж, февраль – неровные дорожки. То капель и лужи, то – метели. Редко солнце смотрится в окошки, и сугробы лишь слегка осели.

Но весенним трепетным дыханьем растревожен сон плакучей ивы. Замер мир в предвешнем ожиданьи. Ждём и мы.

И это, значит, – живы!

MAPT

Сегодня – минус двадцать, хоть за окошком – март.

Дыхание весны

так близко, так желанно.

В борьбе за власть с весною зима вошла в азарт,

Всё злится, бесится, психует неустанно.

To – минус двадцать восемь, то через день – плюс два.

To – мокрый снег, да дождик, то хулиганит вьюга.

То слякотная серость, то неба синева.

Никак зиме с весною не побороть друг друга.

А солнце, по-весеннему на небе - колесом.

И нежится земля,

в лучах его купаясь.

Зима уходит медленно

побитым грязным псом,

Метелью мокрой,

напоследок, огрызаясь.

СЕРЫЙ ЦВЕТ

Солнце не может никак разорвать путы стальных облаков. В небе просветов совсем не видать. Мрачен воздушный покров.

Серого цвета настала пора. Всюду присутствует он. Небо, и снег, и деревьев кора смуро глядят в унисон.

Пепельны крыши. Свинцово мосты виснут над хмурой рекой.

Там вдалеке, где землисты кусты – дымчато-серый покой.

Мёрзлое месиво громко хрустит, крошится под каблуком. Тускло, уныло повсюду висит, всё поглотивший ахром.

Только недолгой была его власть. Солнце, оковы разбив, вновь появилось, ликуя, смеясь, красками мир расцветив!

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

И снова выпал снег негаданно, нежданно, хоть за окном апрель и, вроде бы, весна. А он лежит себе, белея первозданно, и, кажется, земля не встанет ото сна.

Под хмуростью небес, под белым одеялом как снежною зимой, все также будет спать. Но на дворе апрель, весна уже настала, а время, знают все, не повернётся вспять.

А снег себе лежит, не ведая про это, накинув пелену на кровли и мосты. И в шубе снеговой, совсем забыв про лето, красуются опять деревья и кусты.

На первый взгляд снежок и белый, и пушистый, но морщится под ним холодная вода. И только солнца луч пригреет золотистый, весь зимний антураж исчезнет без следа.

Пусть дивно хороши уборы снеговые, да уж звенит по ним задорная капель. Бегут, журчат ручьи с пригорков озорные. А на дворе - весна, а за окном - апрель.

УТРОМ ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ

Вокруг туман – стеной.

Всё хмуро, серо, влажно.

Снег чавкнул под ногой.

Он грязен, мокр и стыл.

На ветке воробей

чирикнул вдруг отважно,

да захрипел и смолк.

Что, горло застудил?

Иду, скользя на льду

и огибая лужи,

стараясь не черпнуть

ботинками воды.

Не нужен насморк мне,

и кашель мне не нужен.

Эх, солнышко б сейчас,

да, чтоб цвели сады!

Эх, солнышко б сейчас,

да, чтоб алели маки,

чтоб птичьи голоса

купались в синеве...

Раздвинув вдруг туман,

две тощие собаки,

прижав к земле носы,

пристроились ко мне.

Баранками хвосты.

Глаза полны печали.

Собаки, не спеша,

трусили вслед за мной.

Я в сторону ушла.

Они во мгле пропали.

Вокруг туман – стеной –

смурной,

сырой,

сплошной.

У ПРУДА

Рябит зеленоватая вода, под легким ветерком стремясь куда-то. Склонилась ива к зеркалу пруда. Все это было, будто бы, когда-то.

И сон, как будто, продолжался тот, пространство времени окутав разом. И на тропе огромный серый кот сверкнул навстречу мудрым глазом.

А кто-то в Зазеркалье вод глядит на чайки резкое движенье, и плавунцов веселый хоровод морщинит лик земного отраженья.

Многоголосье птичье средь листвы слагает Жизни царственную оду. И солнца луч с небесной высоты спускается в скучающую воду.

УТРЕННЯЯ ЗАРИСОВКА

Где-то там, далеко на востоке солнце сбросило одеяло тёмно- синее облаков. Потянулось с восточною негой, И окрасило краешек неба дымкой розовой утренних снов.

ИЮНЬСКАЯ ГРОЗА

Громада туч лиловой пеленою зловеще заволакивает даль.
Как сильно пахнет липа пред грозою!
Как жар струит расплавленный асфальт!

Тревожно ветерок в бурьяне рыщет. В листве замолкли птичьи голоса. И вот уже гремит, сверкает, хлыщет. Гроза! Гроза!

Июньская гроза!

XMYPOE YTPO

Смотрят грустно в лужи фонари жёлтыми кошачьими глазами. Дождик с ветром, упражняясь в гамме, ждут прихода утренней зари.

С неохотой тянется рассвет, мокрую округу озирает. Фликеры дорожные мигают, словно огонёчки сигарет.

Дремлют за окошком сизари, огибает лужи кот-бродяга, с лап брезгливо стряхивает влагу, и глаза горят, как фонари.

ЦИКЛОН

На нас за что-то разобиделся циклон. Дожди полощут целую неделю. Ветра, с дождями воя в унисон, репертуар до капельки пропели.

Циклон всё не идёт из наших мест, его, как будто цепью приковали. Все ручейки, бегущие окрест, свой шумный норов людям показали.

Просёлки киснут, под водой поля, как будто не пшеницу – рис сажали. Взгрустнули вдоль дороги тополя, поникшие в бессолнечной печали.

И мы с тоской глядим на небосклон в заплаканное хмурое пространство. Так крикнуть хочется – эй, друг циклон, пора нарушить постоянство!

Бродят тучи стороною.
Погромыхивает глухо.
Грозовою пеленою
неба спрятана краюха.
На темнеющей завесе
чертят молнии зигзаги,
рассекают поднебесье,
с громом падают в овраги.
Рвёт листву свирепо ветер.
Пыль клубится под ногами.

Божий мир спокоен, светел только там, за облаками. Здесь тревожно, пыльно, душно. Всё живое затаилось, Ждёт, когда же тучи дружно явят в мир Господню милость. И небесное ведёрко опрокинулось мгновенно. Застучали капли звонко вместе, врозь, попеременно. Загудели ливня струны, посвежело, полегчало так, что сердце стало юным, залюбило, застучало.

УХОДИТ ЛЕТО

Холодные ночи, холодные росы. Приправлен с утра свежий воздух дымком. Стучит у порога настойчиво осень дорожным кленовым своим посошком.

Тяжёлая пыльная зелень деревьев протравлена охрой – лист ломок и сух. Пылает в камине охапка поленьев, и дразнит ядрёной антоновки дух.

Для новой хозяйки – медовые соты и свежий пшеничный на стол каравай. А лето, житейские сбросив заботы, устало садится в последний трамвай.

Печалится липа в безлюдной аллее, теряя шуршащий осенний наряд. Берёзы вдоль узкой дорожки грустят. Рябина сквозь струи косые алеет.

Где ж ты заплутало, скажи, бабье лето? Сентябрь пролетел, а тебя нет и нет. Лишь дождик стучит, выбивая ответ морзянкой, негромко в стекло до рассвета.

Мы слушаем с грустью дождя щебетанье. Хоть азбуку Морзе забыли давно, но речи его не понять мудрено – не будет у нас с бабьим летом свиданья!

ВИШНЁВАЯ СМОЛА

Пылал костёр.

Сжигали ветки вишни.

Блестела на коре

янтарная слеза,

кипела, испарялась.

Было слышно,

как где-то в небе

собирается гроза.

Горела комля

кряжистая туша.

Играл в пятнашки ветер

с пламенем косым.

И плыл окрест,

заглядывая в души,

смолы вишнёвой

ароматный сладкий дым.

И грянул гром!

Дождь побежал проворный,

сбив пламя на ветвях.

прохладой их даря.

Застыла на стволе

горелом чёрном

вишнёвая слеза кусочком янтаря.

ОСЕННЕЕ УТРО

Лилово-фиолетовым муаром укутался колючий барбарис. Рубиново-рябиновым пожаром зажглись деревья – осени каприз. На небо цвет индиго благородный рассвет широким валиком нанёс. Сверкающей лавиною свободной стекло по веткам золото берёз. Тончайшим серебристым покрывалом укрыло утро сонную траву. И, улыбаясь, солнышко вставало, чтоб насладиться сказкой наяву.

УЛЕТАЮТ ЛИСТЬЯ

Из красок – всюду охра да жжёная сиена, немного виридоновой зелёнки травяной. И улетают листья, как бабочки, из плена увядшей с летом жизни,

где сок бродил хмельной

по гибким сильным веткам,

по лиственным прожилкам,

где радовался солнцу

развёрнутый листок,

где птицы на рассвете

зорю встречали пылко,

и, где сверкал росинкой поутру лепесток.

Богатою палитрой был каждый день раскрашен, сверкающих оттенков обрушивался шквал.

Уютный тихий дождик

там был совсем не страшен,

а сильный свежий ливень

прохладу лишь давал.

Но вот погасли краски.

Под тусклым небосводом всё охра да сиена, да зелени чуть-чуть. И улетают листья шуршащим хороводом. И загрустила осень.

И лета не вернуть.

ДОЖДЛИВЫЙ СЕНТЯБРЬ

Похоже, осень впрямь сошла с ума. Всего лишь пару раз за две недели являлось солнце. Мокрые дома под тяжестью небес слегка осели. Пружинит мягко под ногой земля, от лишней влаги ставшая болотом. И брызги – веером, асфальт стекля, из-под колёс авто на поворотах.

Зонты уже причислены к родне. В любой момент из тучи дождик брызнет. Грустит сентябрь с дождём наедине, по солнечному лету правя тризну.

**

Ах, осень, остывающую землю ты осыпаешь золотом берёз. Так старец, края жизни не приемля, в дар вечности сокровища принёс и тщится оживить былые чувства, и силится огонь разжечь опять.

Увы, ещё не ведомо искусство, что время поворачивает вспять. И не цвести весне вослед за летом. За листопадом – только снегопад.

А вечность улыбается поэтам и гениям.

Так люди говорят.

Неужто, наконец, пришла зима! Свершилось то, о чём мы так мечтали. В пушистый снег закутались дома, деревья в парке.

За рекою дали открылись первозданной белизной. Раскисшая земля чуть-чуть окрепла. Похрустывает ломко под ногой ледок. И, будто снежным пеплом

подёрнулись рябины угольки, бурьян принарядился за канавой. И осуждать теперь нам не с руки сырую осень.

Пусть уходит, право. Пусть заберёт с собою гнёт тоски, свинцовых туч и мо́кряди простудной. Я вовсе не о ней пишу стихи. Искрится снег,

и вечер чудный...

НОВОГОДНЕЕ ГРУСТНОЕ

Едва пробили часы двенадцать, исчезло время.

Ему б остаться, остановиться, продлить мгновенье – умчалось в вечность без промедленья.

Качнулась лапа нарядной ели. Бокалы долго под ней звенели. И незаметно под звон бокалов с пушистой ветки звезда упала.

Бесшумно ангел сорвался с неба – с колючей ветки, отсюда – в небыль. Бессильны крылья.

Чела сиянье угасло тихо, и с ним – сознаье.

Мгновеньем позже огонь хрустальный прошёл по веткам, как вздох прощальный.

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

Весна – пора влюблённых и поэтов. Сезон мечтаний, серенад, стихов. Ослабло бремя ледяных оков. Нарушено зимы суровой вето.

И рифмоплёт строчит венок сонетов. Он «Аллилуйя» жизни петь готов. Разливы рифм не знают берегов. Поэзия любви – в потоках света!

Как славно – не бояться больше стужи! Прекрасно солнце, что горит и в луже! Вдохни всей грудью свежий ветерок.

Почувствуй дождь – слезами по лицу. Познай природных сил могучий ток. Ликующ сердца глас – хвала Творцу!

ГРУСТНЫЙ ПРАЗДНИК

Сегодня праздник моего рожденья. Его не очень сильно я ждала. Не слишком проявляла нетерпенье, хотя гостей к себе и позвала.

Хоть дату эту всю обмажь вареньем, однако понимаешь с сожаленьем – года бегут, а молодость прошла. И не вернуть. Такие, брат, дела.

Что ж, стало меньше пусть одним рассветом. Всё – как у всех – семья, друзья, любовь. Во внуках доживу, домыслю вновь то, что на свете не успела этом.

Сияет солнце. За окошком – плюс. И для меня весна танцует блюз!

МЕЛОДИЯ ВЕСНЫ

Звучит Весны мелодия простая. Стаккато бьёт, срываясь с крыш, капель. И ветерка протяжен ритурнель. Кряхтит росток, сквозь землю прорастая.

Напевы птичьи – нежная свирель. Ворчит река, с натугой лёд ломая. Журчит вода, низинки заливая. На струнах ручейков бренчит апрель.

Вещица музыкальна, хороша. Звучаньем очарована душа. Оркестр – в ударе. Пьеса – ля мажор.

ВЕСЕННЕЕ УТРО ПОСЛЕ ДОЖДЯ

По лужам дождь бежал ночной порой. Стучал во все закрытые окошки. Гонял ручьи по сонной мостовой. Грозил размыть садовые дорожки.

Под утро стих. Умаялся герой. Заснул в саду под вишней молодой. А солнце вдруг лучей своих лукошко Столкнуло вниз. И пробудилась кошка.

Урочных птиц залились голоса, Весенний день восторженно встречая. Ласкали высь, бесследно исчезая, Полночных луж печальные глаза.

Как, в сущности, для жизни надо мало – Была б вода, светило бы вставало.

YTPO

Умчалась ночь испуганным котёнком. В рассветный мир волшебных тёплых снов вломились шум и гомон голосов. Кричал петух победно, дерзко, звонко.

Морзянку ветвь отстукивала громко. И душу рвал утробный вой котов, И громыхал калиточный засов. Зудел комар пискляво, нудно, тонко.

Хотелось вновь: ко снам направить путь, в объятья грёз предутренних вернуться, забыть, что день уже свершает свой полёт...

Но время вспять, увы, не повернуть. Однажды нам не суждено проснуться. Лови же миг любой, что жизнь даёт!

УХОДИТ ВРЕМЯ

Мелькают дни в порядке неизменном. Сменяются закаты и рассветы. Поют Любовь восторженно поэты. И солнца луч, и море в брызгах пенных.

А время прочь уходит шагом мерным. Уносит жизнь в беспамятную Лету. Всё будет там равно – зима ли, лето. И каждый день последний станет первым.

Всего глоток воды забвенья – Ни радости, ни сожаленья.

Крылатый бог – он счёт ведёт минутам. Мы все уйдём в заоблачные дали. Давным-давно проторены маршруты. Вот только б на земле не забывали.

«Язык должен быть прост и изящен...»

Недавно, в который уже раз перечитал «Записные книжки» А.П. Чехова, и уже в который раз глаз зацепился за фразу: «Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен.». Ничего вроде бы необычного и оригинального в этой фразе нет, но ведь соблазн действительно велик! Если насчёт изящности никто не спорит (кто же не хочет выражаться изящно?), то вот простота изложения текста для любого литератора хоть начинающего, хоть опытного, это всегда довольно сложный вопрос (и сразу же вспоминается фраза Невесты из чеховской же «Свадьбы»: «Это они так свою образованность ХОЧУТ показать», Как замечательно, как точнейшее подмечено! Именно ХОЧУТ, а не хотят!).

У Галины Самусенко литературный язык именно прост и изящен. Именно поэтому тексты её читаются легко, что говорится, на одном дыхании. Плюс несомненный, и говорит он о немалом литературном опыте авторши. Но есть в этих простоте и изяществе ещё и то, что называют стилем, и это единственное, чему невозможно научиться в написании литературных текстов (всё остальное – грамотность, построение сюжетов, выписывание антуража или героев и прочее-прочее-прочее, всё это вполне НАУЧАЕМО и ОБУЧАЕМО).

А теперь собственно по сборнику. Здесь всё жизненно, все знакомо и узнаваемо, но поскольку большинство сюжетов довольно пессимистичны и традиционны, то лично для меня они более привлекательны импонирующими мне литературным языком и манерой изложения – неспешной, достаточно НЕэмоциональной, совершенно последовательной, без заумностей, пространных метафор и нарочито вычурных аллегорий.

«Как Вы думаете, что является главной составляющей больничной жизни? Не знаете? Я подскажу – ожидание. Да, да, именно ожидание – ожидание утреннего врачебного обхода, ожидание операций, процедур, уколов, таблеток. Но самое главное ожидание – это ожидание посещений страдальцев родственниками и друзьями. Без этого больничная жизнь, и так не очень весёлая, была бы совсем унылой.» (рассказ «Страдальцы»)

Впрочем, насчёт пессимизма я, что говорится, «перегнул палку». Вот рассказ «Проделки зелёного змия. Проделка первая». Двое мужиков «замытились» выпить. Имевшегося не хватило, решили добавить, а добавлять нечем – и тут один из собутыльников вспомнил, что у него есть «заначка» с техническим спиртом. Тех-

нический – не медицинский, про него много разных ужасов рассказывают, поэтому для подстраховки решили сначала угостить собаку. Накапали ей на колбасу, угостили, собака «заряженный» продукт слопала – и свалилась замертво. Мужики перепугались, прибежали в медпункт, получили там экстренное промывание желудков плюс лекарства, вернулись домой – а пёс, оказывается, жив-здоров, просто сразу сомлел от солидной для его организма дозы! Ну, вспомнили? Конечно же, бессмертный кинохит «Белые росы»!

Никаких претензий автору рассказа здесь не предъявишь: ситуация типичнейшая, много раз обыгранная и в кино, и на сцене, и в литературных текстах, так что имеет, как говорится, «полное право». Здесь другое: было определённое опасение, что текст будет выглядеть именно как повторение «давно пройденного» - но, к счастью, такого не случилось. Рассказ получился интересным, именно авторским, что говорит о несомненном профессионализме его создателя.

Опять же Самусенко не изменяет своим сочинительским принципам: писать о том, что действительно волнует, что задевает за сердце и – главное! – ничего НЕ ВЫДУМЫВАТЬ! Впрочем, настоящему, состоявшемуся мастеру выдумывания и ни к чему: жизнь полна таких захватывающих сюжетов, которые дадут сто очков форы любой, даже самой изощрённой фантазии!

И в заключении: Наша Коломна – неотъемлемая часть именно НАШЕЙ России, страны, в которой всегда всего с избытком: и грустного, и унылого, и пессимистичного – но одновременно и обнадёживающего, великого, задорного, забавного. Именно поэтому Галина Самусенко – исконно РУССКАЯ писательница. Она - один из очень немногих коломенских литераторов, которые состоялись и в поэзии, и в прозе, и которые активно и постоянно участвуют своими публикациями в текущем литературном процессе. Остаётся пожелать ей такой же, в самом превосходном значении этого понятия, творческой неугомонности и новых литературных успехов!

Алексей Курганов

ПРОДЕЛКИ ЗЕЛЁНОГО ЗМИЯ

Проделка первая:

Складской комплекс находился примерно в трёх километрах от военного городка в лесу. Да, собственно, и сам городок был со всех сторон окружён лесом – разлапистые пушистые ели и высоченные медноствольные сосны с любопытством заглядывали через бетонный забор. До складов из городка была проложена бетонка, давным-давно раздолбанная колёсами тяжёлых военных грузовиков и превратившаяся со временем из дороги в своеобразную полосу препятствий. Военных и вольнонаёмных работников складского комплекса каждое утро и вечер привозил и отвозил обратно такой же раздолбанный, как и дорога, служебный «пазик», с натугой преодолевший небольшое расстояние от городка до складов.

На складском комплексе служили два приятеля-прапорщика, два Сергея – Сергей Бурмин и Сергей Заволжский. Бурмин заведовал продовольственным складом, а Заволжский – складом горюче-смазочных материалов, сокращённо ГСМ. Оба приятеля были похоже внешне: оба коренастые, лобастые, лысоватые, всегда с добродушными улыбками на широких лицах. Да и характерами они сошлись.

Вообще, жизнь на складах довольно хлопотливая. Всё время приезжают и уезжают машины, что-то привозят, что-то отгружают, постоянно толкутся люди, оформляются какие-то документы, ставятся печати. Но постепенно ближе к вечеру суета стихает, и наступает относительно спокойное время, когда можно передохнуть от заявок, накладных и требований. Вот этот спокойный часок перед окончанием рабочего дня наши друзья проводили вместе. Собирались обычно на складе у Бурмина – всё-таки приятнее вести задушевные беседы среди продуктов, нежели в окружении горюче-смазочных материалов. Доставали заветную бутылочку, которая всегда стояла наготове в рабочем столе Бурмина, разливали по стопочкам бодрящий напиток (с закуской проблем, естественно, не было). Оба пили мало, только для «душевности», зато много разговаривали «за жизнь». Обсуждали житейские проблемы, делились радостями и горестями семейной жизни, хвастались успехами детей, строили планы на будущее. Наговорившись вдоволь, друзья дожидались прибытия служебной развалюхи и возвращались домой.

Жизнь приятелей протекала спокойно, пока один случай не нарушил их размеренно- привычный распорядок и не прекратил на некоторое время их задушевные посиделки.

А произошло вот что.

На складском комплексе жил невесть откуда взявшийся пёс дво-

рянской породы по кличке Семён Семёныч, в повседневном обиходе – Сеня. Кто и когда дал такую кличку собаке, никто не помнил. Пес был молодой, весёлый, игривый, добродушный, никогда никого из служащих не кусал и помогал охранять склады по ночам. Тут он демонстрировал прекрасный слух и готовность атаковать непрошеного гостя, то есть проявлял повадки хорошего сторожевого пса. Он и внешне был похож на помесь дворняги с московской сторожевой. Пса все любили, постоянно подкармливали домашними деликатесами, отчего бока его всегда были круглыми и лоснились. Сеня дружбой тоже никого не обделял, но особенно привязался к двум Сергеям и часто составлял им компанию на вечерних посиделках.

Вот и в этот раз, как обычно, трое друзей собрались на складе Бурмина, бутылочка стояла на столе, хлеб был нарезан, банка тушёнки открыта. Сеня, получив свою порцию тушёнки с хлебом, уселся в уголке каптёрки и стал аккуратно поедать угощение. Друзья разлили водку по рюмкам (её было совсем немного, хватило как раз на две рюмки), выпили, закусили и, как обычно, потекли неспешные разговоры о службе, жёнах, детях. То ли разговор на этот раз получился особенно душевным, то ли водки, действительно, оказалось маловато, только оба почувствовали, что надо бы выпить ещё. Но пить было нечего. Почесав затылок, Заволжкий сказал, что у него на складе ГСМ стоит большая ёмкость с техническим спиртом, и, если выпить понемногу, то, вероятнее всего, с ними ничего не случится. Бурмин задумался и хотел, уже было, отказаться от этого предложения, но вспомнил, что широко известный в городке отставной капитан Михалыч, употребляет этот напиток регулярно и до сих пор жив, здоров (во всяком случае, внешне) и всегда находится в прекрасном расположении духа. Заволжский быстро сбегал на свой склад и вернулся, держа в руках бутылку из-под водки с плещущейся в ней прозрачной жидкостью. Жидкость разлили по рюмкам, но прежде чем выпить – для верности – решили дать попробовать собаке. Намочили в спирте кусок хлеба, положили сверху огромный кусок тушёнки и предложили псу. Сеня поморщился, но, не желая обижать друзей, подношение принял. Глядя на пса, уплетающего намоченный в спирте хлеб, друзья успокоились, выпили, закусили, и беседа потекла своим чередом.

В какой-то момент приятели вдруг обнаружили, что пса поблизости нет. Они тревожно переглянулись и выскочили за дверь. Сеня лежал возле двери каптёрки бездыханный. Не сговариваясь, наши герои бросились в городок. Расстояние от складов до городка они преодолели с такой скоростью, как будто ставили мировой рекорд в беге с препятствиями. Ворвавшись в санчасть и увидев первого попавшегося человека в белом халате, они, задыхаясь, и перебивая друг друга, приня-

лись рассказывать о том, что с ними произошло...

Оба Сергея вернулись к месту службы через день, получив промывание желудка и нагоняй от начальства. Первым, кого они увидели, когда распахнулись двери «пазика», был Семён Семёныч, радостно встречающий их после долгой разлуки. Пёс прыгал вокруг них, бешено вертел хвостом, норовил подпрыгнуть и лизнуть в нос то одного, то другого, сердиться на него не было никакой возможности.

В течение двух недель над друзьями потешался весь городок, но постепенно всё забылось, произошли другие события, появились свежие новости, и история наших героев стала никому не интересной. И только жёны иногда напоминали им, к чему могут привести проделки зелёного змия.

Проделка вторая:

Вечера в военных лагерях тоскливые, особенно, если за брезентовым пологом палатки тьма, хоть глаз коли, и хлещет, не переставая, дождь, с упорством маньяка барабанящий в туго натянутый брезент. В такие вечера все, свободные от дежурства, сидят в палатке и занимаются, кто, чем может – кто-то бренчит на расстроенной гитаре, хрипя простуженным голосом какую-то песню, кто-то нашёл старую газету и читает новости недельной давности, кто-то с кем-то жарко спорит непонятно о чём, кто-то играет в карты. Иногда расписывают «пульку», иногда режутся в «дурака».

Сегодня играли в «подкидного». Под потолком палатки неярко светила электрическая лампочка, питающаяся током от аккумулятора. На столе за неимением водки стояла бутылка с техническим спиртом, лежали нарезанные кружочки, колбасы, ломти хлеба, перья зелёного лука, свежие огурцы и помидоры (лето всё-таки, хоть и дождливое). В банку из-под какого-то пайкового деликатеса была насыпана соль.

Играющие и неиграющие выпивали и закусывали. Вкусно причмокивали, откусывая кусок колбасы, лежащей на крупно нарезанном ломте хлеба, и украшенный влажными пёрышками сладкого зелёного лука, заедая этот бутерброд щедро посыпанной солью половинкой помидора, или аппетитно хрустя упругим огурчиком.

Как обычно, непонятно в какой связи (пили-то его не первый раз), зашёл разговор о воздействии технического спирта на организм человека. Кто-то высказал мнение, что его воздействие ничем не отличается от воздействия обычного медицинского спирта, кто-то ему возразил, продемонстрировав знание химии в пределах школьной программы, кто-то поддержал одного оппонента, кто-то другого, но жаркого спора не получилась, и вялая пикировка вскоре сошла на нет. В конце разговора о техническом спирте прапорщик Бочкарёв – тучный лысый

мужчина с красным лицом и густыми рыжими усами заявил, что он гдето читал, а может быть, просто где-то слышал, что технический спирт плохо действует на глаза, и, употребляя этот напиток, можно и вовсе лишиться зрения. Его подняли на смех, и разговор о техническом спирте на этом закончился.

Плотно закусив после третьей порции технической жидкости, прапорщик задремал и даже всхрапнул, чем немедленно воспользовались шутники, которые обязательно имеются в любом человеческом сообществе. Провод лампочки отсоединили от клеммы аккумулятора, и в палатке стало темно. Все затаили дыхание, ожидая развязки. Кто-то из шутников нежно толкнул Бочкарёва в бок и произнёс:

– Ну что, Михалыч, крой семёрку-то, наверняка у тебя пики есть. – Тот открыл глаза, и через несколько секунд тьму палатки пронзил утробный звериный рык, перекрывший шум дождя и услышанный даже часовыми, охраняющими палаточный городок – ОСЛЕП!!!

СТРАДАЛЬЦЫ

Николай повредил колено. И так глупо всё получилось: выпил с мужиками, и решили мяч погонять на пустыре за гаражами. Пустырь-то был родной, утоптанный, годами проверенный, откуда там взялся камень, так никто и не понял. Николай в пылу схватки зацепился за чьюто ногу и, падая на землю, приземлился коленом аккурат на этот самый булыжник. От дикой боли взвыл так, что даже те, кто «усугубил» чуть больше положенного, мгновенно протрезвели. Мужики немедленно вызвали скорую, и Николай оказался на больничной койке. Как он попал в больницу, и что с ним там делали, Николай помнил смутно, пока везли, не давало сосредоточиться больное колено, а потом, получив хорошие дозы обезболивающего и снотворного, он провалился в глубокий сон.

Пришёл в себя уже утром. Туго забинтованное колено, болело, но было терпимо. Больница уже проснулась. За дверями палаты слышались чьи-то голоса, шаги, что-то уронили, и это что-то, дребезжа, катилось по полу. Николай огляделся. Палата была совсем махонькой, в ней с трудом умещались три кровати с тумбочками, одинокий обшарпанный стул, да у самой двери притулилась маленькая раковина с умывальником.

Койку слева от Николая занимал тщедушный молодой человек с прыщавым и каким-то синевато-серым лицом, и звали его Витьком. Николай сразу окрестил его «наркошей» и, оказалось, не ошибся. Парень и вправду, кроме обычной водочки принимал (когда финансы позволяли) ещё и «колёса». Вот так однажды проглотил «колёсико» и вышел погулять из окна четвёртого этажа. Прогулка, надо признать, обошлась

без тяжёлых последствий, три сломанных ребра – это ещё не смертельно. Алкоголика со стажем в Витьке выдавали суетливые движения и лихорадочно-голодный блеск в глазах. Казалось, что он постоянно вынюхивает своим длинным носом, где бы выпить.

Хозяин кровати справа лежал со сломанной ногой на вытяжке и был полной противоположностью Витьку. Это был дородный мужчина с повадками барина, обладатель роскошной, тёмной, чуть седеющей шевелюры, бархатного голоса и масляных глазок. Он был страстным поклонником женского пола, и никогда не упускал случая, приблизившуюся к его кровати особу прекрасной половины человечества, будь она врачом, медсестрой или крепкой средних лет нянечкой, подержать за локоток, погладить по колену, а то и задержать свою руку чуть ниже спины прекрасной дамы. Укоризненные взгляды на него не действовали, на хлопки по рукам он не обижался и осыпал комплиментами любую вошедшую в палату женщину. Звали ловеласа Вениамином Сергеевичем, и Николай окрестил его «бабником». Оказалось, что «бабник» не только бабник, но и не «дурак» выпить, собственно, поэтому он и оказался в таком положении: пил с соседом, по какому поводу, он уже и не помнил, на глаза попался соседский парнишка с велосипедом. Вениамин Сергеевич решил «вспомнить молодость» и «показать пацану класс», совершенно забыв о том, что садился в седло велосипеда совсем «недавно», всего каких-нибудь сорок лет назад. Железный конь взбрыкнул, и «ездок», вылетев из седла, неудачно приземлился. В результате - перелом голени, да не простой, а оскольчатый и со смещением.

В общем и целом соседи Николаю достались интересные, с ними не заскучаешь. Вот Николай и развлекался тем, что наблюдал за ними. Ну, а каков он сам-то – наш главный герой? Что можно сказать о нём? Только самое положительное. Николай – здоровый сорокалетний мужик, неглупый, начитанный, хороший производственник и семьянин. Так и хочется добавить: морально устойчив и связей, порочащих его, не имеет. Смешно? А ведь именно так всё и обстояло. Работал Николай слесарем на заводе, был классным специалистом, начальство его уважало, а окружающие любили за добродушный покладистый нрав. Пил Николай редко и помалу, лишнего никогда не употреблял. Любил попариться в русской баньке с берёзовым веничком, да иногда погонять мяч на пустыре с мужиками (об этом мы уже знаем). Семья – горячо любимая жена Зинуля и не менее любимый одиннадцатилетний сын Виталик, отличник и спортсмен, что, согласитесь, редко сочетается в молодом человеке, особенно в наше время. Супруга Николая была учительницей младших классов, и все окружающие называли её не иначе, как Зинаида Васильевна. Характер она имела настоящий «педагогический», везде, где бы Зинуля не появлялась, она наводила свои порядки и быстро заставляла окружающих плясать под её дудку. Николай иногда ловил себя на желании встать перед ней по стойке смирно, вытянув руки по швам, и громко звонким голосом отвечать на её вопросы.

Ну, вот теперь мы кое-что узнали о трёх страдальцах, собравшихся волей случая и своих привычек в одной больничной палате.

Как Вы думаете, что является главной составляющей больничной жизни? Не знаете? Я подскажу – ожидание. Да, да, именно ожидание – ожидание утреннего врачебного обхода, ожидание операций, процедур, уколов, таблеток. Но самое главное ожидание – это ожидание посещений страдальцев родственниками и друзьями. Без этого больничная жизнь, и так не очень весёлая, была бы совсем унылой.

Витька-«наркошу» посещала мамаша – тощая, маленького роста, суетливая женщина с острым носиком и, когда-то окрашенными в блондинистый цвет, тонкими волосами, отросшими и тёмными у корней. Мамаша приходила ежедневно, обычно долго не задерживалась и частенько приносила «лекарство для своего мальчика» – четвертинку водки с немудрящей закуской – чёрным хлебом, куском сала или дешёвой колбасы, а также «витамины» - головку лука или чеснока.

Вениамина Сергеевича посещали жена с дочерью, сосед, с которым пострадавший так неудачно выпил, и «подруги» – жертвы его неотразимого обаяния. Посещения жены и дочери были редкими и неинтересными. Они дежурно целовали Вениамина Сергеевича в щёку, также без интереса интересовались его самочувствием и, посидев немного, торопились уйти. Приносили они ему смену белья, какой-нибудь журнал с кроссвордом и кефир. «Подруги» же, их было две, при всей непохожести своей по росту, цвету волос и фигурам, одинаково трепетно ухаживали за Вениамином Сергеевичем. Каждая из них приходила в строго определённые дни и никогда не появлялась в палате вне «графика». Они приносили всякие вкусности: домашние котлетки с картошечкой, солёные хрустящие огурчики, жареную рыбку и румяные пирожки, испечённые с большой любовью (можно даже сказать с благоговением). Вечером после работы заглядывал сосед-собутыльник – крупный шумный мужчина с грубым, резко вырубленным лицом и большими натруженными руками. Голос у него был, как иерихонская труба, и этим трубным голосом он рассказывал Вениамину последние дворовые новости и делился своим мнением относительно Вениаминовых ближайших родственниц и «подруг». После первого же посещения соседом их палаты, Николай был в курсе всех семейных проблем Вениамина Сергеевича и его любовных похождений.

Сосед приходил не просто так, он был «третьим». При его появлении Витёк и Вениамин Сергеевич оживлялись, тут же быстренько накрыва-

лась «поляна» на одиноком стуле, придвинутом к кровати Вениамина. И начиналось священнодействие: водка разливалась по пластиковым стаканчикам, произносился первый тост (обязательно за здоровье страдальцев, попавших в эту палату), хрустел солёный огурчик, вкусно пахли домашние котлетки или жареная рыбка, и, наконец, все эти вкусные запахи перекрывал резкий запах чеснока. Когда водка заканчивалась, всё мгновенно убиралось, открывалось окно, палата проветривалась. Пустую бутылку сосед уносил с собой, завернув в пакет. Через полчаса уже ничего не напоминало о том, что в палате недавно пировали. Витёк и Вениамин с мечтательно-умиротворёнными физиономиями полёживали на своих кроватях. Поначалу Николаю тоже было предложено поучаствовать в пиршестве, но он, ссылаясь на проблемы со здоровьем, отказался. Мужики оказались понятливые и больше его по этому поводу не беспокоили.

Николая каждый день навещала Зинуля, в перерывах между учёбой и тренировками забегал Виталик похвастаться своими успехами и рассказать школьные новости. Каждый вечер заходили заводские, то один, то другой, рассказывали, что в цеху без Николая стало как-то не так, даже начальство это заметило, а потому все ждут его скорейшего выздоровления. Николай слушал, кивал, выражал недоверие словам друзей, но про себя радовался и гордился своей необычностью и незаменимостью (зря говорить не будут!).

Приход Зинули был подобен порыву грозового ветра. Поцеловав Николая, она с ходу пихала ему в руки контейнер с домашней «вкуснятинкой», а сама тут же начинала наводить порядок на тумбочке и внутри неё. После тумбочки Николая, она принималась наводить порядок в тумбочках его соседей. Когда это случилось в первый раз, мужики попробовали было возражать, но встретившись с Зинулиным взглядом, предпочли промолчать. Закончив упражнения с тумбочками, неуёмная Зинуля откуда-то притаскивала ведро с водой и швабру и драила пол. Когда маленькая палата начинала сверкать, Зинуля утаскивала всё обратно, мыла руки, садилась рядом с Николаем и с умилением наблюдала, с каким аппетитом тот поглощает её стряпню. Пока Николай ел, она рассказывала ему всё, что случилась в этот день в школе, где она работала, в классе, где учился Виталик, у друзей, у соседей (ох, и любят же педагоги поговорить!). Николай кивал, не забывая тщательно пережёвывать пищу, как учила его всё та же Зинуля (вкусно она, всё-таки готовит!).

Прошло несколько дней. Палата жила размеренной больничной жизнью. Пострадавших от не совсем трезвой жизни лечили, как положено. Они принимали процедуры, уколы в мягкие ткани ягодицы, таблетки.

Подошёл день, на который была назначена операция Вениамину Сергеевичу.

Во второй половине дня пришла медсестра и поставила ему капельницу с каким-то лекарством. Лекарство еле-еле по капельке через трубочку, иглу и вену сочилось в многострадальный организм любителя удовольствий. За час бутылка с лекарством опустела только наполовину. Это была катастрофа. С минуты на минуту должен был прийти сосед, заветная бутылочка уже стояла наготове, закуска была разложена на одноразовых тарелочках, а бутылка с лекарством и не думала заканчиваться. Тогда Витёк, недолго думая, отвернул краник капельницы так, что лекарство весёлым ручейком побежало в вены Вениамина Сергеевича. Бутылка быстро опустела. Витёк позвал медсестру, но та, убрав пустую бутылку, тут же поставила новую. Идя по проторенному пути, Витёк снова произвёл манипуляции с краником капельницы. Лекарство заструилось по трубочке и по венам, и тут Вениамина Сергеевича стало «колбасить». Он содрогался в конвульсиях так, что кровать ходила ходуном, а его, уже неподвластное разуму тело, грозило свалиться с кровати . Витёк с выпученными от ужаса глазами и диким криком: -Сестра, он танцует! – выбежал в коридор. Задремавший было Николай, подскочил на кровати. Тут же в палату ворвались дежурный врач и медсестра. Они мгновенно отсоединили капельницу и, выкатив кровать в коридор, повезли Вениамина Сергеевича в реанимацию, благо она находилась на этом же этаже. Когда его привезли обратно, он спал сном младенца, улыбаясь и причмокивая во сне. Операцию пришлось отложить. А сосед так и не появился, как потом оказалось, ушёл в запой. Витёк так испугался, что забыл и про водку, и про закуску, Николай ещё долго слышал, как у него стучали зубы. Правда на следующий день временная амнезия у Витька прошла, он с большим удовольствием съел закуску на завтрак, а бутылку спрятал под подушку.

Витька вскоре выписали, и Николай его больше никогда не видел.

Операцию Вениамину Сергеевичу всё же сделали. Едва отойдя от наркоза, он решил сходить в туалет. Отговорить его Николай не смог, очень уж хотелось тому почувствовать твёрдый пол, хотя бы под одной ногой. Опираясь на костыли, он поковылял в конец коридора. Не было его долго. А когда он появился снова, теперь уже на инвалидной коляске, которую везла медсестра, на второй, только что бывшей здоровой, ноге красовался свежий гипс.

Что там было дальше с Вениамином Сергеевичем, Николай не узнал потому, что его в этот день выписывали, и за ним уже приехали друзья во главе с любящей Зинулей. Он попрощался с любителем женщин и велосипедов и пожелал ему скорейшего выздоровления и решения всех его нерешённых проблем.

На следующий день Николай, опираясь на костыли, сопровождаемый верной Зинулей, потопал на приём к хирургу в поликлинику. Идти было недалеко, но с непривычки Николай очень устал и, расположившись перед кабинетом врача, с удовольствием расслабился. Народу было много, но, благодаря энергичным действиям Зинули, которая быстро навела порядок в очереди, просидели они недолго, всего каких-нибудь сорок минут. Войдя в кабинет, Николай увидел улыбающегося старичка с седым венчиком волос вокруг жизнерадостной розовой лысины. Старичок быстро пробежал глазами выписной эпикриз, написал направление на снимок и отправил Николая в рентгеновский кабинет. Дохромав до него, и, опять же отстояв очередь, Николай, наконец-то попал внутрь. Когда он начал заворачивать штанину, женщина-врач с интересом на него посмотрела и спросила, зачем он это делает. Николай ответил, что иначе снимок, наверное, не получится.

- Не получится снимок чего? поинтересовалась врач.
- Колена ответил Николай.

Женщина подала Николаю листок с направлением, где было написано, что ему необходимо сделать снимок не колена, а, почему-то стопы (Николай потом долго ломал голову над вопросом, почему именно стопы, а не какой-либо ещё части его пострадавшей ноги). Из лаборатории он вышел растерянный с задранной штаниной и листком в руке, молча подал листок Зинуле. Та прочла, так же молча развернулась и энергично постучала каблучками в сторону кабинета хирурга.

– Ой, что сейчас будет! – подумал Николай.

Через минуту по коридору военным линкором, рассекая, как волны, встречных, нёсся розоволысый старичок. Заскочив в лабораторию, он сунул в руки врача новое направление, на выходе буркнул Николаю:

– Заходите – и, опасливо обойдя Зинулю, двинулся к своему кабинету.

Через некоторое время едва просохший снимок Николай уже показывал хирургу. Тот сказал, что выздоровление идёт своим чередом, порекомендовал продолжать назначенные процедуры и гулять на свежем воздухе для укрепления иммунитета.

Выполняя рекомендации доктора, Николай каждый день гулял по дорожке, что вела от его дома к поликлинике. Однажды он увидел зна-комую лысину в обрамлении седых волос, несущуюся ему навстречу. Старичок тоже его узнал, поднял руку в знак приветствия и прокричал на ходу:

– Здравствуйте, Семёнов, как Ваша рука?

Николай с недоумением посмотрел поочерёдно на свои руки, сжимающие костыли.

– Какая рука? При чём здесь рука?

Но жизнерадостный старичок уже свернул за угол. И только лужа, в которую он наступил, недовольно морщилась. На ней расходились кругами малюсенькие волны.

– Как сигналы SOS в эфире – подумал Николай и похромал дальше.

КОРОННЫЙ УДАР

Татьяна прибежала домой в оживлённо-приподнятом настроении. Сегодня у неё был день рождения. Коллеги на работе об этом не забыли, преподнесли цветы и небольшой подарок, и начальник отпустил её пораньше. По пути с работы домой она успела заскочить в магазин и теперь сервировала праздничный ужин – скоро должен был вернуться с работы муж, и ожидались гости – школьные друзья.

Муж Татьяны Николай трудился слесарем-наладчиком на том же заводе, где она работала лаборанткой в химической лаборатории. Супруги были знакомы с той самой давней поры, когда их посадили за одну парту в первом классе. Школьная дружба переросла в любовь, они поженились, и вот уже несколько лет состояли в законном браке. Оба рослые, статные, с открытыми приятными лицами, они составляли очень симпатичную пару. Со школьных лет Татьяна и Николай занимались спортом. Она была прекрасной волейболисткой, её коронный удар с левой неизменно вносил замешательство в ряды противников, Николай неплохо играл в футбол. Но спортивным надеждам не суждено было осуществиться. После полученных в играх травм и Николаю, и Татьяне пришлось оставить спорт. Жили супруги дружно, лишь одно их огорчало – Бог не дал им детей. Что только они не предпринимали для того, чтобы у них родился ребёночек, в какие поликлиники, к каким медицинским светилам они только не обращались – ничего не помогло. Постепенно они успокоились и смирились. Брать ребёнка из детского дома не стали, опасаясь плохой наследственности.

Настроение Татьяны несколько упало, когда, взглянув на часы, она поняла, что мужа, которому давно пора было быть дома, до сих пор нет. Но поразмышлять о том, куда же запропастился Николай, времени не было, поскольку гости уже стояли на пороге. В подарок они принесли Татьяне маленького пушистого персидского котёнка, о котором она уже давно мечтала. Кроме самого котёнка имениннице было подарено огромное количество необходимых котёнку вещей, начиная домиком с когтеточкой, и, заканчивая маленькой заводной мышкой. Татьяна была в восторге.

На вопрос гостей об отсутствии хозяина Татьяне пришлось сказать, что Николай задержался на работе, чтобы наладить необыкновенно

сложные импортные станки. Гостей ответ удовлетворил, и больше этот вопрос не поднимался.

Праздничный ужин шёл своим чередом. Котёнок, налакавшись молока, свернулся клубочком на диване и уснул. Гости с хозяйкой вспоминали школьные годы, шутили, хохотали, пели песни под гитару – Татьяна неплохо на ней играла. Но беспокойство за мужа именинницу не покидало. Когда гости уже ушли, а мужа всё ещё не было, настроение её окончательно упало, сердце заполонила тревога.

Татьяна уже домывала посуду, когда стукнула входная дверь, и на пороге появился Николай. С первого взгляда Татьяна поняла, что муж сильно навеселе. В руках он держал нечто, что когда-то было букетом роз. Цветы были сильно помяты, некоторые сломаны.

– Дорогая, с днём варенья... Поздравляю... Вот... Дай поцелую... Увернувшись от пьяного мужа, Татьяна, молча, взяла помятый букет и бросила его в мусорное ведро.

– A, вот ты как, цветы тебе не такие... И целоваться не хочешь? Муж тебе не нравится? A сама... A это кто? –

Котёнок, разбуженный шумным прибытием хозяина, сидел, нахохлившись, на диване и таращил бессмысленные глазёнки.

– Ты, что, совёнка принесла, зачем? Он, что, жить здесь будет? Нет, ты ответь... Отвечай, когда муж спрашивает... Пить хочется, сил нет... – Николай попытался налить воду из графина в стакан. После нескольких неудачных попыток, он в сердцах бросил стакан на пол, во все стороны полетели осколки.

Татьяна подхватила котёнка на руки и, молча, как-то особенно осторожно ступая (боялась сорваться), ушла в спальню.

Если бы Николай был трезв, то он бы, конечно, понял, что, когда жена находится в таком состоянии, подходить к ней близко опасно для здоровья. Но, как известно, алкоголь в больших дозах замедляет работу мозга и толкает людей на необдуманные поступки. И Николай потащился за Татьяной.

– Ну, Танюш, ты чё, обиделась что ли? Я ж, тебя люблю ваще... Вот, цветы принёс, а ты так... Ну, прости, Танюш... Дай, поцелую... – тут его взгляд снова зацепился за котёнка. – Да брось ты этого совёнка – заорал он и попытался выхватить из рук жены маленькое лохматое существо.

Тут Татьяна не выдержала. От её коронного с левой ста-килограммовая туша любимого мужа отлетела к шкафу, проломила обе дверцы и рухнула внутрь. На плохо соображающую пьяную голову посыпались обломки дверок, одежда, сорванная с плечиков и сами плечики, острыми крючками норовившими впиться в шею и руки.

В течение десяти минут Татьяна наблюдала безуспешные попытки мужа (сопровождаемые кряхтением, сопением и невнятным бормотанием) выбраться из недр шкафа. Наконец, ему удалось освободиться и принять вертикальное положение. Не глядя на жену, Николай ушёл в гостиную, и вскоре оттуда послышался богатырский храп.

Татьяна немного поплакала в подушку и тоже скоро уснула рядом с котёнком.

Разбудил её восхитительный аромат свежесваренного кофе. Выйдя на кухню, она обнаружила мужа, хлопотавшего у плиты. На столе стояли любимые Татьянины чашки, на деревянной досочке белел нарезанный хлеб, в маслёнке желтело масло, а в тонкой хрустальной вазочке рябили разноцветными фантиками конфеты. Не менее живописной была и физиономия Николая. Под глазом красовался огромный синяк, лицо украшали свежие ссадины.

– Танюш – виновато заглядывая в глаза жены, тараторил Николай – давай завтракать. Я яишенку поджарил, кофе сварил, может, ещё чего хочешь? Я сделаю.

Завтракали молча. Николай смотрел на котёнка и думал:

– И чего я вчера к этому совёнку привязался? Ну, принесла, и принесла, пусть живёт, никому не мешает, вон, какой симпатичный. А у меня теперь вся морда разбита, да и шкаф новый покупать придётся. А здо́рово она меня вчера – вдруг восхитился он – что значит коронный с левой!

Татьяна смотрела на мужа и думала:

– И чего это я вчера Николашу так приложила? Ну, выпил человек лишку, так ведь со всяким может случиться. Мужик-то он хороший, меня любит, заботится... А котёнок-то, и вправду, на совёнка похож.

А котёнок смотрел них и ни о чём не думал. Он сидел на мягком тёплом диване, и ему было просто хорошо.

РЫБАЛКА

Моему другу Михалину П.М.

На утренний лов Павел всегда ходил один. Любил он встречать рассвет на реке в одиночестве, любил смотреть, как просыпается природа, как встаёт огромным золотисто-розовым мячом солнце, как выступают из серой ночной размытости берега реки, очертания прибрежных кустов, как наполняются они цветом, как становятся видимыми речные струи, сплетающиеся и расплетающиеся между собой в своём безостановочном беге. Любил он слушать проснувшихся птиц, пробующих голоса на утренней зорьке. В эти часы сходило на него какое-то не-

обыкновенное умиротворение. И он всей душою и всем телом крепкого пятидесятипятилетнего мужика очень остро ощущал единение своё с природой и отрешённость от мира людей. Очень ценил Павел эти короткие утренние часы, и потому, поднимался раньше всех на базе, брал заготовленные с вечера снасти, отталкивал лодку от причала и уплывал в утро...

Заканчивалось девятидневное пребывание на базе отдыха. База представляла собой десятка полтора деревянных щитовых домиков, уютно расположившихся на высоком берегу Ахтубы. У спальных домиков притулились небольшие кухоньки, где стояли холодильники, столы и электрические плиты для желающих готовить пищу самим. Для тех, кто не любил или не хотел возиться у плиты, было открыто кафе с достаточно широким выбором блюд. Санузлов в домиках не было, душевые и туалеты располагались в отдельно стоящих зданиях на окраине жилого комплекса. Впрочем, отдыхающих это ни в коей мере не смущало, не за этим они сюда ехали. А зачем?

А затем, что база отдыха «Дельта» на Ахтубе - это рай для рыбаков! Широченная Ахтуба, гордо несущая свои воды, ещё не убитая, не отравленная «царём природы», кишит рыбой. Летом огромные сомы поднимаются из ям к самой поверхности и кувыркаются, высовывая из воды голову или хвост. Стаи жереха бьют мелкую рыбёшку утром на стремнине, а днём на перекатах, в глубоких ямах отсиживается лещ, в ериках охотится полосатый окунь, на глубоководье вблизи затопленных деревьев кормится сазан. Судака следует искать среди коряг и топляка, омываемых сильным течением, а зубастая узкомордая щука предпочитает тиховодье на небольшой глубине.

Павел ездил сюда уже много лет подряд, сначала по работе, потом отдыхать. В прошлом году привёз сюда жену и дочь. Ахтуба их так очаровала, что с тех пор его любимые женщины другого отдыха и в других местах просто не представляли.

Днём отправились рыбачить уже втроём. Улов был неплохим, жена поймала килограммового судачка, а дочь вытащила леща килограмма на полтора, остальная рыба была помельче. Уже собирались возвращаться на базу, но дочь вдруг заявила, что она очень бы хотела откушать на ужин щуку в кляре. Ну что же, сказано – сделано.

Поменяли место, закинули приманку, и пошли против течения на малом ходу. Удилище держала жена, Павел направлял лодку и выдерживал скорость. Леска с приманкой тянулась за лодкой, воблер время от времени чиркал по дну. Вы не знаете, что такое воблер? Значит, Вы не рыбак. Рассказываю: воблер – это такая деревянная или пластиковая рыбка, очень похожая на настоящую. К брюшку этой рыбки подвешен тройной крючок, похожий в свою очередь на маленький якорь.

На острие (оно называется жало) каждого крючка сидит зазубрина (бородка), которая не даёт крючку выскользнуть из пасти пойманной рыбы. Таких крючков к воблеру может быть подвешено аж до трёх штук. В этот раз воблер был оснащён двумя тройниками. Думаете – зачем я так подробно рассказываю о крючках? Потом поймёте.

Этот способ ловли хищной рыбы использовали ещё наши деды и прадеды, и в те далёкие времена он назывался очень просто – «дорожка». Современные же рыбаки, предпочитающие японские спиннинги, американские крючки, немецкие катушки и прочие импортные прибамбасы, обозвали его наимоднейшим термином – «троллинг». Вот этим иноземным троллингом и ловило сейчас Пашино семейство отечественную щуку.

И вот самый счастливый для каждого рыбака момент наступил — щука схватила приманку. Жена стала быстро крутить катушку, сматывая леску. Вот уже показалась зубастая пасть с застрявшим в ней крючком, щука билась на крючке, пытаясь освободиться. Павел схватил подсак, подскочил к жене, ловко подвёл подсак под бьющуюся рыбину, выхватил её из воды и попытался вытряхнуть в лодку. Но рыба мотала головой так, что свободный тройник запутался в сетке. Пришлось бросить подсак вместе со щукой. Когда рыбина немного утихла, Павел попытался выпутать крючок из сетки. Но тут щука снова забилась, и крючок свободно болтающегося тройника глубоко вошёл в палец.

От неожиданной боли Павел взвыл и непроизвольно резко дёрнул рукой. Стало ещё больнее. Ругая почём зря щуку, крючок и сетку, Павел свободной левой рукой шарил по многочисленным карманам, ища нож, но его, как всегда в нужный момент, на месте не оказалось. Он смутно улавливал, как рядом что-то взволнованно говорила жена, ползая на четвереньках по дну лодки и пытаясь ему помочь, видел испуганные глаза дочери, но всё это было как-бы отстранено от него, он не мог на этом сосредоточиться и все пытался найти нож, чтобы разрезать эту чертову сетку. Наконец нож был найден именно там, куда он сам его положил, нашлись и пассатижи, которыми из пасти полуобморочной щуки был выдернут крючок, сетку разрезали, леску обрезали, и Павел оказался на свободе с крючком в пальце и воблером в ладони. Держа пойманную на крючок руку на весу, и управляясь одной свободной рукой, Павел довёл лодку до базы.

Жена помчалась за аптечкой, дочке был поручен улов, а сам Павел пошёл к домикам за помощью. Первой, кого он встретил, подходя к коттеджам, была местная уборщица, которая увидев его руку, закатила глаза и попыталась завалиться в обморок, но Павел резко пресёк её порыв, спросив, нет ли у неё кусачек. Кусачек у неё не оказалось, но было очень много нерастраченных эмоций, которые она стала бурно

выплёскивать. На эти выплески среагировал начальник базы, как раз проходивший мимо. У него оказались не только кусачки, но и полбутылки водки, пригодившейся в качестве анестезии. После принятия Павлом на грудь стакана водки, боль в пальце несколько притупилась. С помощью ещё одного молодого и сильного любителя рыбной ловли крючок был выдавлен из пальца так, что его жало с бородкой вылезло наружу, и бородка была откушена кусачками начальника базы. Крючок выдернули из пальца. Хлынула кровь, и, присутствуй при этой экзекуции уборщица, она непременно бы грохнулась в обморок. Но её, слава Богу, не было, а остальные были людьми видавшими виды и на такие пустяки внимания не обращали. Палец промыли оставшийся водкой и туго перебинтовали (жена с аптечкой прибежала).

Щуку в кляре всё-таки пожарили. Блюдо получилось отменным – с золотистой хрустящей корочкой и сочным сладким мясом внутри. Вкусно поужинав, Павел даже простил щуке крючок, застрявший в пальце.

На следующий день готовились к отъезду. Собирали вещи, коптили пойманную рыбу, прощались с друзьями.

Выехали пораньше до жары. С собой везли копчёную и мороженую рыбу, астраханские арбузы, купленные у местных бахчеводов, кучу фотографий, массу впечатлений и медный загар. В дороге поначалу молчали, мыслями оставались ещё там, на базе. Палец уже не болел.

А вкусная всё-таки была щука!

ЮБИЛЕЙ

Илья Вячеславович проснулся рано. Любопытное солнце заглядывало в окошко, день опять обещал быть жарким. Илья сладко потянулся, прогоняя остатки сна, и вдруг подскочил на кровати – ведь у него же сегодня день рождения! И не просто день рождения, у него сегодня – ЮБИЛЕЙ! Новорождённый юбиляр умылся, легко позавтракал – есть совсем не хотелось – и решил окунуться в бассейне.

Надо сказать, что Илья Вячеславович проживал с родителями в собственном небольшом аккуратном двухэтажном домике. За домом находился огород с тепличкой, где зрели помидоры, перцы и баклажаны. Тепличку окружали грядки с зеленью и овощами. Было и несколько плодовых деревьев. Огородом заведовал отец Ильи – человек с «золотыми руками» и большой любовью к земле. Перед домом был разбит цветник, стояли спортивные снаряды и располагался большой круглый бассейн – предмет летнего обожания, он спасал всю семью от перегрева в самые жаркие дни. Рядом с бассейном находился хлоратор – установка для очищения воды. Благодаря ему вода в бассейне всё лето была чистой и чуть солоноватой на вкус.

Илья Вячеславович ещё блаженствовал в бассейне, когда приехала его двоюродная сестра Таисия Андреевна – своенравная девица, обладательница роскошных длинных вьющихся волос. Таисия была на год старше Ильи и по этой причине позволяла себе поучать его в житейских вопросах. Илья обычно начинал злиться, и они ссорились, но тут же мирились. Эта парочка жить не могла друг без друга, но ни одна из их встреч не обошлась без ссор и примирений.

Итак, Таисия Андреевна собственной персоной появилась во дворе. Илья быстро выскочил из бассейна и побежал переодеваться. Сегодня у них с Таисией была запланирована поездка, куда бы Вы думали? В зоопарк. Ну да, в зоопарк, а чему Вы удивляетесь? Оба очень любили животных, оба считали, что общение с братьями нашими меньшими зарядит их позитивом на весь день. Тем более, что зоопарк располагался совсем неподалёку, всего в получасе езды на автомобиле.

И вскоре они уже плавно катили по шоссе, любуюсь утопающими в зелени и цветах придорожными деревнями.

Погладив пушистые шерстяные мордочки, и, почувствовав прикосновение к своим ладоням тёплых и мягких губ, осторожно берущих угощение, Илья и Таисия вернулись домой. До приезда остальных гостей ещё было время, и они плюхнулись в бассейн.

Начали съезжаться гости. На празднование были приглашены только «свои». Приехали две тётушки и две бабушки Ильи, ещё одна двоюродная сестра Дарина, милая, всегда и всем застенчиво улыбающаяся особа, года на три с половиной моложе Ильи, крёстный Ильи с женой, и семейная пара, друзья дома с дочерью Алисой – симпатичной голубоглазой блондинкой чуть старше Дарины.

Как только прекратились взаимные приветствия, поздравления Ильи Вячеславовича с юбилеем, родителей его – с рождением сына, вручение подарков и поцелуи, матушка Ильи – большая затейница и выдумщица – объявила гостям, что их всех ждёт сюрприз. Она предложила всем прибывшим во главе с именинником отправиться на поиски пиратского клада, сверяясь со старинной картой, найденной в пузатой бутылке из-под рома. Конечно, все с восторгом согласились. Был роздан реквизит: кому-то досталась пиратская шляпа, кому-то – чёрная повязка на глаз, кто-то облачился в тельняшку, а кто-то размахивал «настоящим» кривым пиратским ятаганом. После преодоления различных препятствий и испытаний клад был найден. Им оказался «пиратский» сундучок, наполненный мелкими сувенирами для гостей. Гости с шумом и смехом рассматривали «сокровища».

Затем их пригласили за стол. Стол был накрыт за домом в тенёчке под старой вишней. Шашлыком озаботился отец Ильи – пока гости искали пиратский клад, их ноздри щекотал восхитительный запах, доле-

тавший от мангала вместе с дымком. В коптильне томилась доведённая до цвета красной меди рыба, выловленная всё тем же отцом Ильи Вячеславовича в ближайшей речке. Кроме этих ароматных блюд на стол были выставлены закуски, состряпанные руками матушки Ильи, а также дары огорода: красные и жёлтые помидорчики, сладкий перец, свежие огурчики прямо с грядки и клубника. По случаю жары спиртное на столе отсутствовало, зато был холодный квас и вишнёвый компот собственного изготовления, минеральная вода и апельсиновый сок. Правда, кто-то из гостей всё же привёз с собой бутылку лёгкого токайского вина. Мужчины гордо отказались его пить, а дамы с удовольствием выпили «по чуть-чуть». Застолье началось с тостов в честь Ильи Вячеславовича и его родителей, их дружно поздравляли, желали здоровья и всего, что в таких случаях желается. Потом общество разделилось на группы – молодёжь переместилась к бассейну, оттуда послышались, смех, крики и плеск воды. Старшее поколение отправилось на экскурсию по огороду, потекли разговоры о видах на урожай и преимуществе выращивания овощей в теплицах. Было уделено время и распаковыванию и разглядыванию подарков и даже, несмотря на жару, подвижным играм. Время от времени то одна, то другая группа гостей оказывалась в бассейне, который в этот день по праву делил внимание всех присутствующих с именинником.

Ближе к вечеру гостей пригласили на чаепитие. На середину стола был водружён огромный торт в виде парусника – настоящее произведение искусства – изготовленный руками матушки Ильи Вячеславовича, великой кулинарки. Торт вызвал бурю восторгов, оказавшись не только красивым, но и очень вкусным. По чашкам был разлит душистый чай, любителям кофе заварили сей божественный напиток, и празднование юбилея пошло на новый виток. Молодёжь снова убежала к бассейну, старшие остались за столом, ведя нескончаемые разговоры, теперь о летнем отдыхе в разных странах.

Праздник подходил к концу. Гости стали разъезжаться. После их отъезда Илья с родителями на скорую руку навели порядок и с сознанием выполненного важного дела, и огромным облегчением от того, что дело это было выполнено наилучшим образом, погрузились в бассейн, смывая с себя эмоциональное напряжение этого хлопотного дня. Выйдя из бассейна, Илья почувствовал такую усталость, что с трудом добрался до кровати.

«Юбилей, да... Что ж пять лет – это вам не шутка...», - думал Илья Вячеславович, засыпая в своей кроватке в окружении подаренных ему игрушек.

Галина Валентиновна Самусенко

НЕЗАМЫСЛОВАТЫЕ СЮЖЕТЫ

Стихотворения И РАССКАЗЫ

Редактор: Член СП России С.С. Антипов

Дизайн обложки: Д.В. Минаев

Корректор: Π .О. *Громова*

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева*

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Телефон: 8(926) 433-33-99 **E-mail:** serebro.slov@gmail.com **Сайт:** http://tvoyakniga.ru **Интернет-магазин:** http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

> Подписано в печать ??.03.14 Формат 60х90/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная. Гарнитура Myriad Pro. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография» 140400, Московская область, г.Коломна, ул.III Интернационала, 2а Тел: 8(496) 618-69-33, 8(496) 618-60-16